

ВЕСТНИК ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ

REVUE D'HISTOIRE ANCIENNE

1(2)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
М О С К В А ☆ 1 9 3 8

A. I. ТЕРЕНОЖКИН

К ИСТОРИКО-АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ИЗУЧЕНИЮ КАЗАХСТАНА И КИРГИЗИИ

Царизм поставил Казахские степи и Семиречье в положение колоний, служивших источниками сырья для русской промышленности и выкачивания торговых прибылей. Военно-колониальный режим создал невыносимо тяжелое положение для развития хозяйства коренного населения, подвергавшегося жестокой эксплуатации со стороны местной феодально-родовой знати и мусульманского духовенства.

Победа социализма под руководством великой партии Ленина—Сталина превратила эти отсталые царские колонии в цветущие советские социалистические республики—Казахстан и Киргизию.

Укрепилось господство колхозного строя, выросли цветущие города, фабрики и заводы. Турксиб, авто- и аэроотранспорт изжили былое бездорожье страны. Густая сеть национальных школ, сотни техникумов, университеты, опера, театры, сотни газет на национальных языках произвели культурную революцию.

«Решение ЦК партии и правительства о преподавании истории идет навстречу выросшим культурным запросам масс, обязывает к коренной реорганизации постановки преподавания истории в школе. Это делает работу по составлению истории казахов неотложным и насущным делом»¹. То же самое вполне приложимо и к Киргизии.

До Октябрьской революции историко-археологические работы в Казахстане и в Киргизии велись небольшой и малоподготовленной группой краеведов-любителей. Размеры работ были так незначительны, что мы не имеем фактической возможности указать ни одной крупной и научно обставленной археологической работы. Особо следует выделить только труды акад. В. В. Бартольда, освещающие историю Семиречья, но основная часть их падает уже на послереволюционный период.

В настоящее время изучение прошлого Казахстана и Киргизии сделало большой шаг вперед. Важную роль в этом сыграла деятельность институтов национальной культуры² Академии наук СССР, Академии истории материальной культуры и Исторического музея в Москве.

Чувствительный ущерб историко-археологическим работам нанесли социологизаторы и прочие вульгаризаторы марксизма, воспитанные

¹ См. Предисловие к сборнику «Прошлое Казахстана в источниках и материалах».

² Казахский институт национальной культуры реорганизован в 1936 г. в филиал Академии наук СССР.

«школой» М. Н. Покровского, срывавшие и тормозившие развитие живой научно-исследовательской деятельности и публикацию конкретных исторических и археологических материалов.

Древние народы Казахстана и Киргизии внесли богатый вклад в мировую историю и историю народов СССР.

«... давление избытка населения на производительные силы заставило варваров с плоскогорий Азии вторгаться в древние культурные государства... Только оставаясь в небольшом числе, они могли продолжать быть варварами. То были пастушеские племена, охотники и воины; их способ производства требовал обширного пространства земель для каждого индивидуума, как то имеет место еще поныне у индейских племен Северной Америки. Когда они увеличивались в числе, то сокращали друг другу площадь производства. Поэтому избыточное население вынуждено было пускаться в те великие сказочные странствия, которые положили начало образованию народов в древней и новой Европе³. Это замечание Маркса ставит ряд археологических и исторических проблем также перед исследователями истории Казахстана и Киргизии.

Древнейшие археологические памятники, открытые на территории Казахстана и Киргизии, относятся к неолитической эпохе.

Неолитические стоянки чаще всего встречаются на песчаных дюнах и на берегах рек. Они известны по берегам р. Урала, в Актюбинском районе, близ г. Казалинска и г. Туркестана, в низовьях рек Чу и Таласа и в Караганде. На стоянках находят кремневые и кварцитовые вкладыши микролитических форм, небольшие скребки, резцы и листовидные наконечники стрел. Судя по имеющимся данным, основным занятием человека здесь служила охота и, возможно, рыбная ловля. Несмотря на незначительное количество находок, имеются основания связывать кремневую индустрию этих стоянок с индустрией неолитических стоянок в Калмыцкой автономной области, Украине и Крыму. Впрочем, часть этих неолитических стоянок может относиться к началу металлического периода⁴.

Переходя к описанию памятников бронзовой эпохи, прежде всего следует отметить успехи нашей археологии в области исследования Андроновской культуры, обнаруженной впервые по курганным могильникам близ с. Андронова, Минусинского края. С. А. Теплоухов, определяя границы распространения Андроновской культуры, указывает, что следы ее можно найти не только близ Минусинска, но также и на значительной части Казахстана⁵.

В течение последнего десятилетия в северной половине Казахстана зарегистрировано множество курганных могильников и селищ Андроновской культуры. Открытия эти подтвердили правильность наблюдений Теплоухова и установили, что Андроновская культура сыграла весьма крупную роль в прошлом Казахстана⁶:

³ Маркс — Энгельс, Соч., т. IX, стр. 278—279.

⁴ Б. Н. Граков, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана. Казиздат, 1930, стр.8—9; Археологические работы на новостройках. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 41—42 и 110—115.

⁵ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. Материалы по этнографии, Л., 1927, т. III, вып. 2, стр. 85—90.

⁶ М. П. Грязнов, Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Казаки, Л., 1927, стр. 172—221; Е же, Казахстанский очаг бронзовой культуры. Казаки, Л., 1930, стр. 149—162; Археологические работы на новостройках. «Известия ГАИМК», вып. 110, стр. 42 и 92—95.

Могилы Андроновской культуры имеют вид маленьких земляных насыпей, окружённых кольцеобразными оградами из камней. Погребения совершались в неглубоких ямах. Покойники лежат по одному или по два в одной яме, скорчено на боку, головой на запад. В головах покойников ставилось по одному или по два глиняных сосуда. При скелетах часто встречаются украшения и реже — орудия труда. Поселения Андроновской культуры лучше всего известны в Северном и Северо-западном Казахстане. Они сильно превосходят по своим размерам и по насыщенности культурного слоя стоянки неолитической эпохи.

О. А. Грацова путем многолетних раскопок около п. Алексеевского на р. Тоболе, в Кустанайском районе, выяснила чрезвычайно интересный комплекс, который состоит из остатков поселения, места жертвоприношений и могильника. На поселении вскрыта большая площадь, давшая представление о планировке древнего селения и устройстве жилищ. Здесь найдено множество различных бытовых предметов и костей животных⁷. Население Казахстана и Киргизии вело в ту пору оседлый образ жизни. Оно занималось мотыжным земледелием и пастушеским скотоводством, а охота и рыбная ловля отошли на задний план.

Инвентари погребений и приурочиваемые к Андроновской культуре случайные находки в Казахстане дают представление о сложности хозяйства и общей высоте развития материальной культуры. Глиняная посуда, изготавливавшаяся без гончарного круга, отличается тщательностью отделки, богатством и разнообразием стройных геометрических узоров. Техника литья и выделки бронзовых орудий стояла на значительной высоте. По данным статистики случайных находок предметов и орудий из бронзы, первое место занимает район Семипалатинска, недра которого богаты медной рудой. Возможно, что тут находился один из центров древней добычи руды и плавки из нее необходимых в быту и хозяйстве предметов. Об этом же красноречиво свидетельствуют бесчисленные так называемые «чудские» копи, места старинных разработок, исследование которых позволит ближе ознакомиться с древней техникой горных работ и объемом добычи руды. Среди крупных бронзовых орудий особенно характерны массивные топоры, длиной до 27 см, имеющие большой гребень на обухе; «плоские топоры», мотыги, бронзовые серпы, кинжалообразные ножи и кинжалы с обособленными рукоятками, шилья, кирки. Не менее разнообразен комплекс металлических украшений, среди которых часто встречаются бронзовые браслеты и серьги, обложенные золотом, простые бронзовые браслеты, серьги, подвески, бусы, пронизки и т. д.

Сложная хозяйственная деятельность и общественная жизнь вызывали потребность в связях и торговом обмене с племенами на соседних землях. Приручение лошади дало человеку, населявшему степи и полупустыни, удобнейшее и быстрейшее средство сообщения. Культурная общность порождала особенно тесную связь с народами Алтая и Минусинского края. Западные связи отразились в том, что многие украшения и орудия труда находят себе полные аналогии в Кобанской культуре Кавказа, в Сейменской и Маклашевской культурах Волги, Камы и в Срубной культуре степей Поволжья и Украины. Вопрос о среднеазиатских связях остается пока не разработанным.

⁷ O. Krivtsov - Grakov, Une trouvaille d'objets de l'âge du bronze dans la région du haut Tobol, Eurasia Septentrionalis Antiqua, IV, стр. 116—125, «Сообщения ГАИМК», 1931, № 1, стр. 39, «Советская археология», III, стр. 269.

Примерно в VIII—VII вв. до н. э. произошел переход от бронзы к железу, как к более совершенному материалу. К переходной эпохе относится ряд случайных находок бронзовых и железных ножей с кольцевидными и овальными навершиями ручек, боевые клевцы, кинжалы, имеющие аналогии в Аланьинской культуре Прикамья и культурах Минусинского края. Одновременно произошли крупнейшие изменения в хозяйстве и образе жизни древних наследников Казахстана и Киргизии. Старое земледельческо-пастушеское хозяйство сменяется кочевым скотоводством, которому было суждено сыграть колоссальную роль во всей дальнейшей истории этих стран вплоть до наших дней. Переход от земледелия к кочевничеству охватил не только Казахстан и Киргизию, но почти все сопредельные степи на востоке и на западе.

Мотыжное земледелие в зоне полупустынных степей служило надежным источником питания при условии использования наиболее плодородных участков земли. Таких земель было немного, и они могли прокормить лишь небольшое население. Естественный прирост населения требовал более интенсивных форм ведения хозяйства и более рационального использования естественных богатств страны, в виде беспредельных пастбищ, лежавших втуне до той поры.

Первые греческие известия, восходящие к V в. до н. э., называют обитателей степей Казахстана и Киргизии кочевниками, «саками», родственными скифам Причерноморья. В китайских летописях II в. до н. э. они называются народом «сэ», древнее чтение «сэк». По Геродоту (VII, 64), саки носили на головах высокие и острые кверху войлочные шапки, носили штаны, были вооружены луками, кинжалами и боевыми топорами. Сакская конница проявила смелость в сражениях во время греко-персидских войн (1Х, 71).

К VI—IV вв. до н. э. относятся погребения в курганах около с. Покровки близ Илецкой Защиты. В этих могилах покойники лежат на спине, головой на запад. Вместе с ними клались обезглавленные туши баранов, части коней и коров. Инвентарь, сопровождающий погребения, сходен со скифским юга Европейской части СССР. Он богат оружием и роскошной конской сбруей. Среди предметов вооружения часто встречаются короткие железные мечи и кинжалы с рукоятками, имеющими сердцевидную крестовину и навершия в виде двух завитков, и бронзовые трехгранные втульчатые стрелы. Оружие и сбруя отделаны в зверином скифо-сибирском стиле, который изобилует фантастическими изображениями лосей, львов, грифонов и драконов. «Трудно сказать,— пишет Б. Н. Граков,—насколько далеко простирается на восток указанная отрасль скифской культуры Уральского бассейна, но находки вещей скифской культуры, особенно богатого звериного стиля, распространяются до Семипалатинска и Семиречья»⁸.

К III в. до н. э. облик материальной культуры степняков сильно изменился. Так, Б. Н. Граков пишет: «в эллинистическую эпоху от Саратова и Покровска до Оренбурга, Актюбинска и Кустаная существует слабо расчененная в отдельных местностях культура»⁹. Вследствие общности с культурой народов той же эпохи, обитавших в Причерноморских степях и на Северном Кавказе, она получила в археологии название Сарматской. Отличие погребений около Покровки от погребений описывает-

⁸ Б. Н. Граков, Ближайшие задачи археологического изучения Казахстана, 1930, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 14—15.

мой группы так велико, что единственное объяснение ему можно было искать в явлениях миграции. Новейшие наблюдения устанавливают ряд переходных ступеней, позволяющих говорить о постепенной трансформации местной культуры¹⁰.

В сарматское время покойников хоронили под курганами, в глубоких ямах, вытянуто, головой на юг. Дно могилы посыпалось мелом. Могильная яма часто окружалась кольцом из камней. Обычай украшать оружие и сбрую в зверином стиле почти совершенно исчезает. Среди предметов вооружения выделяются кинжалы и мечи с рогатым навершием и перекрестием в виде прямого бруска. Вместе с трехперыми бронзовыми наконечниками начинают встречаться трехлопастные черенковые стрелы из железа.

Социальное и имущественное неравенство, сложившееся в результате развития общества, получает в эту эпоху отражение и в погребальном обряде. Могилы бедных кочевников содержат небольшое количество предметов; например, при мужском погребении на р. Суундуке, в бассейне Урала, был найден только железный кинжал и кусок трута¹¹.

Примером богатого погребения служит курган около с. Красногорского, на пути из Оренбурга в Орск. Он имел в высоту до 4 м. На глино-битной площадке, сооруженной над четырехугольной могильной ямой, был сожжен огромный костер, в пепле которого оказалось много костей различных животных, три железных кинжала и один или два медных котла. Костяк человека не имел головы. На нем в разных местах найдено 6 бронзовых наконечников стрел, причем один из них оказался вонзенным в правую лопатку с наружной стороны. Погребенный был убит в бою. Под костяком были видны остатки кожи от плаща, по контуру которой лежало более 100 золотых трубочек, у правого бедра лежал характерный кинжал или короткий меч в деревянных ножнах, обложенных тонким листовым золотом¹².

Богатейшие курганы этого рода, раскопанные в 1911 г. около с. Прокоповка, близ Оренбурга, дают любопытные данные о культурных и торговых связях с Причерноморьем, Минусинским краем, Алтаем, наконец, Ираном. Почти все ценные вещи оказались предметами иранского экспорта; из Ирана шли серебряные блюда, печати, ожерелья, подвески, нашивные бляхи. На одном блюде читается персидская надпись арамейским шрифтом: «чаша Атромитра»¹³.

Северо-восточный Казахстан теснее всего был связан с Алтаем и Уральским краем. Здесь, при раскопках могильных сооружений, имеющих вид каменных колец или земляных насыпей, были обнаружены погребения людей и лошадей с остатками различного инвентаря. В числе предметов нет ни одного железного, но, по аналогии с находками на Алтае за пределами Казахстана, они, несомненно, относятся к ранней поре железных орудий. Тут нашли: нож минусинского типа, с ручкой, украшенной стилизованной головкой животного, бронзовые зеркала, точильные бруски, костяное шило, гребень и трехгранные бронзовые и костяные черешковые стрелы¹⁴.

¹⁰ Неопубликованный отчет Б. Н. Гракова о работах в Западном Казахстане в 1928 и 1930 гг.

¹¹ Археологические работы на новостройках, т. II, стр. 95.

¹² Отчет Археологической комиссии, 1903, стр. 126 сл.

¹³ Материалы по археологии России, вып. 37.

¹⁴ С. И. Руденко, К палеоантропологии Южного Алтая. Казаки, Л., 1930, стр. 136—143 и «Известия Арх. ком.», вып. 62.

Адрианов, производя на Майэмирской степи раскопки кургана, обставленного по подошве большими камнями, нашел под одним из них ком, состоявший из бронзовых удила и смятых золотых листков. После расправки золота выяснилось, что оно служило облицовкой деревянных украшений конского убранства богатого погребения, разграбленного в древности. Повидимому, кладоискатель, добыв драгоценности, спрятал их временно в приметном ему месте. На бляхах восстановливаются красивые стилизованные изображения барса или пантеры. Стиль и техника звериных изображений этих золотых пластин очень хорошо известны по раскопкам больших каменных курганов (керексур) Алтая, раскопанных ранее Радловым, а в недавнее время Грязновым. Наиболее пышно и полно погребальный обряд подобного рода сохранился в условиях вечной мерзлоты под насыпью знаменитого Пазырыкского кургана, исследованного Грязновым. Нахodka Адрианова говорит о распространении Пазырыкской культуры в пределах Казахстана, но как далеко она шла на запад, мы еще не можем сказать.

Во время образования первого известного в истории кочевого государства хуннов на границах Китая (1-я половина II в. до н. э.) произошло передвижение из Центральной Азии в современное Семиречье народа юе-чжи. Юе-чжи, вытеснив из Семиречья сакские племена, были в свою очередь, оттеснены сильным народом, который называется в китайских летописях «усунь». Усуни занимали обширную территорию, доходившую на восток до оз. Эби-нора, а на запад до Ферганы. По китайским летописям народ усуней насчитывал 630 тысяч душ, или 120 тысяч кибиток, и мог выставить 188 800 вооруженных воинов¹⁵.

У усуней оказалась в подчинении оставшаяся в Семиречье часть сакских и юе-чжийских племен. Китайское правительство посыпало к вождям (гуньбо) усуней постоянные посольства с дарами, рассчитывая использовать их для войны против хуннов, теснивших с севера китайские пределы.

Китайская царевна, отданная в 107 г. до н. э. в дипломатических целях замуж за усуньского гуньбо, рассказывает в песне о своем пребывании на далекой чужбине:

«Выдали меня родственники
в дальнюю сторону;
отдали в чужое царство
за усуньского царя.
Живет в бедной хижине,
обтянутой войлоками,
пища его—мясо,
питье его—молоко»¹⁶.

В таком же виде вырисовывается быт и остального населения усуней: «Земли ровные и травянистые; страна дождливая и холодная. Горы покрыты хвойным лесом и деревом мань. Земледелием не занимаются, а со скотом перекочевывают, смотря по воде и траве; в обычновениях сходствуют с хуннами. В сем владении много лошадей; богатые содержат оных от 4 до 5 тысяч голов. Народ суров, алчен, вероломен; вообще склонен к хищничеству. Владение сие почитается наисильнейшим»¹⁷.

¹⁵ Иакинф, Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, СПБ, 1851, ч. III, стр. 64.

¹⁶ Там же, стр. 67.

¹⁷ Там же, стр. 64.

В 1929—1930 гг. Киргизский научно-исследовательский институт, при участии Воеводского и Грязнова, организовал археологические разведки и раскопки в долине р. Чу и на побережье оз. Иссык-куля. Раскопки курганов близ г. Токмака и г. Каракола обнаружили погребения, относящиеся к первым векам до н. э. и, повидимому, принадлежащие усуням¹⁸.

Курганы усуньского времени располагаются в группах (родовых кладбищах) несколькими параллельными цепочками, вытянутыми в меридиональном направлении. Под курганом хоронилось от одного до трех покойников. Могильные ямы бывают окружены на поверхности земли кольцом из больших камней. Все богатые могилы оказались разграбленными в древнее время. Несмотря на это, в кладоискательских ямах удалось найти множество тонких золотых листочек, золотых и бронзовых пронизок от ожерелий, фрагменты деревянных краснолаковых китайских чащ, золотой перстень с изображением оленя и золотой перстень с изображением дракона, две золотые бляхи бактрийской работы с изображением Силена и стилизованной кошачьей головы, большое количество глиняной посуды и обломок двустороннего меча.

В могилах простых кочевников инвентарь состоит из глиняных сосудов, деревянных блюд и отдельных бронзовых вещей (зеркало с ручкой в виде грифона, головная булавка с фигуркой птицы и пр.).

Замечание китайского летописца о сходстве в обычновениях между усунями и хуннами находит себе новое подтверждение в сходстве по погребениям и инвентарем между керексурами Монголии, Алтая и Семиречья.

Черепа из усуньских курганов Семиречья были изучены Т. А. Трофимовой, по определению которой они принадлежат к памиро-ферганскому типу, что опровергает гипотезу буржуазных историков, причислявших усуней к северной (нордической) расе¹⁹.

Глиняная посуда из усуньских могил имеет круглодонную форму. Она изготавливается без гончарного круга, натканом шаблоне (судя по отпечаткам на внутренней стороне дна), в виде чашек, глубоких мисок и больших котлов.

На берегу р. Чу, около ГЭС, при впадении р. Аламедина, были обнаружены остатки селища. Культурный слой его был насыщен фрагментами грубой посуды усуньского типа; тут же встречались пряслица цилиндрической формы, грузила и кости различных животных.

Открытие селища около Чуйской ГЭС вносит некоторые корректизы в китайские известия, совершенно умалчивающие о наличии оседлых поселений в усуньскую эпоху на территории современной Киргизии и в юго-восточном углу Казахстана.

В период господства усуней среднее течение р. Сыр-Дары было занято племенами кан-гюй. К северо-западу от Кан-гюя, у Аральского и Каспийского морей, китайцы помещают народ янь-цай. Относительно последнего В. В. Бартольд замечает, что «китайцы упоминают о «переименовании» этого народа в а-лань-я, из чего видно, что речь идет об аорсах или аланах классических авторов»²⁰. Восточная часть Казахстана была занята сильными народом юе-бань.

¹⁸ А. И. Тереножкин, Археологические разведки по р. Чу в 1929 г. Проблемы истории докапиталистических обществ, ГАИМК, 1935, № 5—6, стр. 139—142 и неопубликованная статья М. В. Воеводского и А. И. Тереножкина, Археологическое изучение республик Средней Азии за 1917—1937 гг.

¹⁹ Т. А. Трофимова, Краинологический очерк татар Золотой Орды. «Антропологический журнал», М., 1936, № 2, стр. 183—185.

²⁰ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 5, ср. Иакинф, III, стр. 121.

В первой половине I века до н. э. один из хуннских шань-юев (вождей), Чжи-чжи, не устояв в борьбе против другого хуннского шань-юя, откочевал к стране усуней, а отсюда направился в Кан-гюй, куда дошло с ним около 3 000 человек²¹.

В 93 г. н. э. произошло второе крупное переселение хуннов на запад, вызванное военными действиями китайцев, засухами, падежом скота и голодом. По мнению Иностранцева, они жили в первой половине II в. н. э. к западу от Алтая, и быть может, в землях Кан-гюя. От IV в. н. э.²² дошли известия от том, что хунны овладели областью А-лань-я, которая называется в это время у китайцев «Су-дэ»²³. Этот ход событий подводит нас к так называемой эпохе переселения народов. Археологические памятники Казахстана и Киргизии, относящиеся к этой эпохе, насчитываются единицами²⁴. Так, можно упомянуть два погребения, открытые в 1925 г. близ станции Шипово, около Уральска, погребение в кургане около Карагача в Ақмолинской области, погребения на р. Тер-Бутаке, открытые Недевовым в 1887—1888 гг. и Петри—в 1899 г. близ г. Кустаная, погребение, обнаруженное в 1928 г. близ Бармашинского лесного техникума в Щучинском районе, Петропавловского округа²⁵.

В качестве примера приведем описание мужского и женского погребений в курганах около станции Шипово, которые отличаются интересным обрядом и сравнительно большим количеством вещей, положенных с покойниками.

Мужское погребение совершено под небольшим курганом, в засыпке которого встречены следы тризны по покойнику, в виде костей овец. На берестовом гробовище лежали деревянное седло и конская сбруя, отделанные листовым золотом. На шее покойника обнаружено ожерелье, состоящее из обложенного золотом шнура. Покойник был одет в шелковый кафтан малинового цвета с запахивающимися бортами и длинными, ниже пальцев руки, рукавами. На груди, по нижнему краю кафана и на рукавах были нашиты ромбовидные бронзовые бляшки, крытые золотыми листочками. Кафтан подпоясан поясом с бляшками и кинжалом. На руках находились браслеты. Кроме того, при покойнике найдены деревянная кружка, остатки нагайки и плоское бронзовое зеркало. Череп покойника имел сильную искусственную деформацию.

Женщина была погребена в глубокой могильной яме, головой на с.-с.-в. На ее голове находилась бронзовая, покрытая золотыми листками диадема с расположенными в три ряда 63 цветными стеклами. На шее оказалась бронзовая гривна, покрытая золотыми листками. Около ушных отверстий одна золотая, а другая бронзовая серьга. На поясе сохранилась железная пряжка, а на ногах были, повидимому, башмаки с серебряными золочеными пряжками. У западной стены могилы обнаружены остатки деревянной коробочки, железный нож, обломок бронзового зеркала и костяк ягненка²⁶.

К той же эпохе IV—V вв. н. э. относится часть погребений, открытых Гейкелем в верхней долине р. Таласа.

²¹ К. Иностранцев, Хунну и гунны, Л., 1926, стр. 97.

²² Там же, стр. 98—99.

²³ Там же, стр. 100.

²⁴ Б. Н. Гракова, стр. 16—17.

²⁵ М. Н. Лентовский, Памятники древней культуры в южной половине Петропавловского округа Казахской ССР, стр. 12—13.

²⁶ «Известия Краеведческого института изучения Южноволжской области», Саратов, 1926, т. I, стр. 13—15; Т. М. Минажева, Zwei Kurgane aus der Völkerwanderungszeit bei der Station Шипово, ESA, IV, S. 194—210.

Отличительной особенностью вещей из погребений эпохи переселения народов является обычай украшать вещи золотом, серебром и дорогими камнями в так называемом готском стиле.

Деловые согдийские документы первых веков н. э., обнаруженные в местности по Булунцизу, наводят на мысль о раннем проникновении согдийской колонизации с берегов Аму и Сыр-Дарьи в Центральную Азию. Прямой путь этой колонизации мог лежать только вдоль Южного Казахстана и через Киргизию. Все же проблема такой ранней согдийской колонизации остается пока открытой вследствие отсутствия о ней фактических письменных и археологических свидетельств. Вполне достоверные данные о согдийской колонизационной струе, идущей вдоль северных предгорий Тян-Шаня, относятся лишь ко времени, непосредственно предшествовавшему арабскому завоеванию Средней Азии²⁷.

В первой половине VI в. н. э. в Центральной Азии образовалось могущественное государство Ту-гю. В состав его западных владений входили почти все земли современной Киргизии и Казахстана. В промежутке между 563 и 567 гг. тюрки ту-гю победили эфталитов, господствовавших в Средней Азии, и расширили свои владения до берегов р. Аму-Дарьи. С той поры, по словам В. В. Бартольда, область к востоку от Аму-Дарьи, служившая границей тюркского государства с сасанидской империей, стала для иранцев Туркестаном, т. е. «страной турок»²⁸.

В 576 г. из Согдианы было отправлено тюркское посольство в Византию с целью налаживания транзитной торговли китайским шелком. Во главе ответного посольства из Византии был отправлен киликийец Земарх. Он оставил интересное описание резиденции тюркского хакана Дизабула и упоминание ряда географических пунктов. Дизабул принял посольство в шатре на двухколесной повозке, которую могла тянуть одна лошадь. Хаканские шатры были богато украшены пестрыми коврами, золотом и серебром. Рассказ Земарха содержит в себе древнейшее упоминание г. Тараза, а вместе с тем и древнейшее письменное свидетельство о городской жизни в Казахстане и Киргизии. К сожалению, о самом городе Земарх не сообщает никаких подробностей. По описанию Земарха, его обратный путь в Византию лежал через рр. Их, Даих (Яик, Урал) и Атиль (Волга)²⁹. Древними связями Тараза с внутренними областями Согда пронизано замечательное предание о возникновении города Бухары, записанное в X в. Нершахи³⁰. Как это обстоятельно вскрыл С. П. Толстов в своем докладе «Тирания Абруя», на сессии Исторической группы Академии наук СССР, предание Нершахи имеет достоверную основу, а события, изложенные в нем, восходят к VI в. н. э.

Китайский паломник Сюань-цзян, проехавший в 630 г. из г. Аксу через оз. Иссык-Куль, р. Чу и город Тараз в г. Самарканд, составил весьма ценное описание пути. По Сюань-цзяну, страна от р. Чу до Железных ворот (к югу от Шахрисябза) называлась «Сули»³¹. Берега Иссык-

²⁷ В. В. Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 11—12.

²⁸ Там же, стр. 10.

²⁹ E d. Chavannes, Documents sur les Tou-kiue (turcs) occidentaux, SPB, 1903, pp. 234—239.

³⁰ М. Нершахи, История Бухары, перев. Н. Лыкошина под ред. В. В. Бартольда, Ташкент, 1897, стр. 11.

³¹ «В названии «Сули» видят китайскую транскрипцию слова «сулик», диалектического изменения народного названия «согдийцы». Бартольд, История культурной жизни Туркестана, стр. 18. Ср. его же, К вопросу о языке согдийском и тохарском, сб. «Иран», Л., 1927, 1, стр. 30, 32—33.

Куля и пр. Чу и Таласа имели многочисленное население. На р. Чу близ современного г. Токмака описывается большой город Суяб; к западу от него располагалось около десяти городов; на пути из Суяба в г. Тараз (ближе к последнему) находилась благодатная местность Мынг-булак, место ежегодных летовок тюркского хакана. Город Тараз превосходил размерами г. Суяб. Близ него находился небольшой городок, населенный тюрокизированными китайцами. На дальнейшем пути из Тараза в Чач (около современного Ташкента) упоминается еще несколько городов. Население городов занималось торговлей и земледелием. В Тараз и Суяб приезжали для торговли купцы из разных стран. Города управлялись независимыми друг от друга правителями, подчинявшимися непосредственно власти тюркского хакана³².

Китайцы, озабоченные укреплением своего влияния на западе, произвели несколько удачных вторжений в пределы современного Семиречья. Им удалось разбить тюркские отряды, и сам хакан тюрков погиб в сражении около современной ст. Луговая (Турксеб). Все дело управления в этих областях перешло временно в руки китайских чиновников. О силе их полномочий свидетельствует то, что они могли диктаторски распоряжаться в делах такой отдаленной от Китая провинции, какой был Чач, стоявший на месте современного Ташкента³³.

Арабские войска, оккупировав в VIII в. двуречье Аму и Сыр-Дарыи, особенно упорное сопротивление встретили на востоке в лице тюркских отрядов. В 751 г. арабы дошли до долины р. Таласа и нанесли решительное поражение китайцам близ г. Тараза, чем надолго определились границы сфер влияния этих двух великих культур средневековья. В области, расположенные к востоку от Сыр-Дарыи, арабская культура проникала крайне медленно. Например, область Тараза в полной мере вошла в состав саманидского государства только в самом начале X в. Крупнейшие успехи мусульманской культуры в Южном Казахстане и Киргизии падают, собственно говоря, на время правления караханидов (XI—XII вв.), как это удается выяснить на основании археологических исследований. В частности, при караханидах устанавливается чеканка мусульманских монет в Исфиджабе, Таразе и Алмалыке. Лучшие описания средневековых городов и селений Притяньшаня мы находим у арабо-персидских географов X—XI вв.

В конце правления караханидов начинается упадок местной городской земледельческой культуры. Полная гибель ее наступила после монгольского завоевания. Города и селения начали появляться вновь по пр. Чу и Таласу через несколько столетий в результате кокандской экспансии начала XIX в.

Археологическими разведками, охватившими главнейшие районы Киргизии и Южного Казахстана, выявлено огромное количество памятников второй половины первого тысячелетия н. э. Удобные для искусственного орошения долины горных рек и речек почти сплошь заняты развалинами укрепленных городов, селений, крепостей и деревень. В горах и по водоразделам всюду встречаются большие курганные могильники позднекочевнического периода.

Историческая география позволяет установить местоположение главных культурных центров страны, какими были Суяб и Тараз и ряд дру-

³² Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, trad. par St. Julien, P., 1853, p. 58 sq.

³³ Иакинф, III, стр. 244.

гих городов, упоминаемых в арабских и китайских источниках. Новые материалы позволяют отказаться от старого объяснения появления здесь городской культуры местоположением страны на торговом пути из Китая в Среднюю Азию. Торговые связи с отдаленными странами оставили глубокий след на материальной культуре здешнего городского и земледельческого населения, но одних торговых связей было бы недостаточно для объяснения всей культурной жизни страны. Причины лежат гораздо глубже—они заключаются в исключительном богатстве ее естественных производительных сил, среди которых первое место занимает плодородие лёссовидных почв, богато орошенных водами горных потоков. Это привлекало колонистов с Зеравшана и многочисленные группы местных кочевников, обращавшихся к земледелию.

Среднее и нижнее течение р. Сыр-Дары, служа связующим звеном с культурными центрами Средней Азии, играло исключительно важную роль в истории кочевых народов Казахстана. На Сыр-Дарье располагались земли древнего Кан-гюя китайских летописей, в ее низовьях находился Дженд—средневековый двойник Хорезма. Берега Сыр-Дары привлекали к себе, как и Притянишанье, многочисленных колонистов из Согда; наконец, они являлись излюбленным местом зимних стойбищ кочевников. Вследствие этого следует ожидать, что в недалеком будущем археологические работы по Сыр-Дарье займут одно из первых мест в Казахстане.

Исследование развалин городов, селений, кладбищ, курганных могильников и мавзолеев монгольской эпохи только еще начинается. О роли их для изучения прошлого Казахстана и Киргизии красноречивее всего свидетельствует, например, открытие несторианских кладбищ XIII—XIV вв. около г. Фрунзе и г. Токмака, вызвавшее в свое время большой интерес.

Известно, что письменные источники крайне скромно освещают вопрос образования казахского и киргизского народов. Пробудившийся в наши дни интерес к истории нельзя уже удовлетворить имеющимися в научном обращении отрывочными и случайными историческими сведениями, а также бесконечными вариантами их интерпретации. Круг этих источников может быть значительно расширен путем археологического исследования древних казахских и киргизских могильников и мест зимних стоянок.

Несмотря на раннее проникновение мусульманских проповедников в Казахстан и Киргизию, успехи ислама были там крайне незначительны. Киргизы в XVI и XVII вв. не считались мусульманами даже в такой степени, как казахи. По словам османского турка Сейфо (1582 г.), казахи были мусульманами канофитского толка, тогда как киргизы не были «ни кафарами, ни мусульманами»³⁴.

Незначительность успехов мусульманской религии, естественным образом, отразилась на сохранении старинного обряда погребения у обеих народностей вплоть до XIX, а может быть, и до XX в. Известный хан Средней и Малой казахских орд Абу-л-Хайр был погребен в 1749 г. по мусульманскому обряду, однако его положили в «одежде обыкновенной и с некоторыми военными снарядами, как-то: саблею, копьем и со стрелами». На могилах лиц, отличавшихся большой храбростью, ставились копейные древки, колчаны со стрелами, клался порох и свинцовые пули³⁵.

³⁴ В. В. Бартольд, Киргизы, стр. 38—39.

³⁵ Н. П. Рычков, Дневные записки 1771 года, стр. 16, 45—46.

Стены многих казахских и киргизских мавзолеев второй половины XIX в. покрыты многокрасочной росписью, изображающей боевые и бытовые сцены из жизни умершего и разнообразные предметы утвари и оружия, как-то: самовар, подносы, чашки, кумганы, нагайку, саблю, боевой топор, лук со стрелами, ружье и т. д.³⁶

Эти данные показывают, что у нас имеются все шансы на получение, в результате раскопок поздних могильников, археологических материалов, которые помогут разобраться в истории материальной культуры казахов и киргизов и проследить ее древние связи. Только на основании подобных работ может быть организован также сбор полноценных и исторически датируемых антропологических материалов, без которых, при современном состоянии науки, немыслима разработка вопросов этногенеза.

³⁶ Кроме фресок в мавзолеях, самобытное казахское и киргизское искусство представлено большим количеством изображений, которым до сих пор, без особой дифференциации, приписывалась чрезмерная древность.

X P O N I K A

Экспедиционная работа московских археологов в 1937 г.

Как и в предшествующие годы, экспедиционная работа московских археологов проводилась в самых разнообразных районах Союза ССР. В этой разбросанности пунктов обследования нет ничего необъяснимого: до сих пор, несмотря на огромные, казалось бы, скопления археологического материала в музеях, даже в Европейской части Союза, где раскопки начаты около 100 лет тому назад, большинство важнейших исторических пунктов совершенно не затронуто обследованием. Это затрудняет исследование стадиального развития древнейших обществ: непосредственный переход общественной группы с одной ступени на другую может быть показан на вещевом материале в исключительно редких случаях. Понятно, что в таких условиях обнаружение новой «культуры»—комплекса вещевого материала, связанного с определенным типом жилих, погребальных или иных сооружений и характеризующего с необходимой отчетливостью стадию развития общества данной области, является важным событием.

Кадры археологов не настолько велики, чтобы обслужить в одинаковой степени весь ряд первоочередных проблем, выдвигаемых изучением истории. Перед археологами стоит задача—изучить наш палеолит и в кратчайший срок ликвидировать отставание в этой области. Вполне понятно в нашей многонациональной стране стремление воссоздать историю отдельных народов, входящих в дружную и тесную семью, спаянную Сталинской Конституцией. Отсюда—многообразие экспедиционной тематики.

Крымская экспедиция Антропологического института МГУ (О. Н. Бадер) произвела обследование палеолитических памятников восточной части горного Крыма—в Карабузарском, Зуйском, Старо-Крымском и Алуштинском районах. Открыто около 10 стоянок, большей частью тарденуазского времени, на Демерджи и Караби-Яйле; закончена раскопка грота Буран-Кая, где в культурном слое азильской эпохи обнаружены, между прочим, кости быка. Наиболее интересны раскопки в пещере Чагарак-Коба, в которой, кроме мустерьских кремневых орудий, открыто значительное количество костей носорога, пещерного льва и гиены, дикой лошади, медведя, сайги и др.

Деснинская экспедиция ИИМК Академии наук УССР и Гос. музея антропологии (М. В. Воеводский) производила в 1937 г. обследования и раскопки палеолитических стоянок в Новгород-Северском и Гремячском районах Черниговской области. Второй год раскопок 2-й Чулатовской стоянки дал на площади 200 кв. м два кострища, мастерскую кремневых и костяных орудий и несколько тысяч готовых изделий, датируемых позднемадленской эпохой; кость встречалась почти исключительно как поделочный материал.

Вторая тема работ экспедиции—продолжение раскопок стоянки на окраине г. Новгород-Северска, давшей в прошлом новый вид орудий—«гигантолиты» и часть ребра мамонта с резьбой, должно быть, магического характера; прекрасно сохранившийся фаунистический материал содержит большое количество костей леммингов; датируется стоянка несколько более ранним временем, чем предыдущая.

На протяжении 33 км побережья Десны предварительное обследование установило 10 палеолитических стоянок, из которых 1-я Пушкиревская имеет насыщенный слой,

0,2 м. Начиная с этого слоя и до поздейшего встречаются остатки вымосток, стен и водостоков, перекрывающие одни другие и говорящие о неоднократном возведении новых сооружений над остатками старых и о частичной реставрации и переделке последних. Следующий, восьмой слой дал, между прочим, скопление глиняной черепицы—как бы пласт, образовавшийся из упавшей крыши; в этом же слое обнаружены обломки местной лощеной керамики, терракотовых статуэток, монеты и части резной костяной шкатулки; дата слоя—конец IV—начало III вв. до н. э. В покрывающем его седьмом слое открыта яма для хранения зерна, выложенная камнем; она имела грушевидную форму; глубина ее равнялась 1,34 м, попречник устья—0,7 м и дна—1,16 м. Из находок в слое отмечаются сильно окисившие боспорские монеты и обломки мегарских чащ. Шестой слой, относящийся к I в. до н. э., дал много медных боспорских монет, глиняные пирамидальные грузила и куски штукатурки с цветной обмазкой. Такой же вещевой материал с добавлением фрагмента статуэтки сидящей женщины, части руки мраморной статуи, глиняного светильника и 8 резных костяных ложек, не получивших окончательной отделки, обнаружен в пятом слое, относящемся к I в. н. э.

Архитектурные остатки четырех верхних слоев сохранились неудовлетворительно из-за расхищения камня на постройки, распашки и кладоискательских ям; отдельные предметы и их обломки также зачастую обнаруживаются во вторичном залегании. Среди находок необходимо отметить обломок скифского бронзового псалия с головой грифона, глиняную статуэтку Артемиды с ланью, торс Афродиты, обломок женской фигуры, светильники эллинистический и византийский и т. п.

Продолжение раскопок некрополя на холме к западу от городища дало 53 могилы, как эллинизированных горожан, с деревянными саркофагами и гробами, краснолаковыми и стеклянными сосудами, светильниками и т. п., так и населения, державшегося старых местных верований, что подчеркивается скорченным положением погребенных и захоронением в одной могиле собаки. Обнаружена также двухкамерная катакомба с 5 или 6 погребениями вблизи от катакомбы, вскрытой экспедицией 1936 г.; обе катакомбы оказались уже ограбленными. Из вещей, оставленных грабителями, особенно интересны: пластинчатая серебряная фибула, небольшие серебряные пряжки от портупей, мечи, краснолаковое блюдо и стеклянные сосуды.

Х о р е з м с к а я экспедиция ГАИМК (А. И. Тереножкин) в 1937 г. работала в Каракалпакской АССР, к северу и северо-востоку от Турткуля. Интересны два района вдоль старых высохших арыков. В одном на полосе до 5—6 км в длину и до 1,5 км шириной открыт замок Беркут-Кале, с поселками ремесленников, двумя укрепленными усадьбами по концам и 60 укрепленными постройками в промежутке между ними. Кроме небольшой разведки на площади поселка у центрального замка, обследована жилая башня одной из средних построек. Обычно башня входит в переднюю сторону четырехугольной ограды со сторожевыми башнями по углам и хозяйственными постройками внутри двора. Башня стоит на цоколе до 4 м высотой. Ограда сохраняется в высоту до 8—9 м; все осмотренные сооружения—глинобитные. В обследованной башне выяснена планировка помещений, среди которых интересно хранилище для воды, запасавшееся в 14 крупных глиняных корчагах. Комплекс находок ярко освещает объем хозяйства владельца; кости животных принадлежат корове, лошади и дикой козе. Среди найденных зерен удалось определить пшеницу, просо, ячмень, «джугару», «маш» (сем. бобовых), хлопок; косточки плодов принадлежали урюку, персикам и винограду; встречены также резаные сушеные груши. Благодаря сухости почвы удалось обнаружить ключья ваты, куски войлока, бараньей кожи, одежды из меха и часть полы стеганого на вате халата. Из остальных предметов можно отметить оттиски печатей на комьях глины. Датируются эти постройки V—VIII вв. н. э.

Разведка в окрестностях Беркут-Кале обнаружила на поверхности почвы значительное количество более древних предметов: «скифских» бронзовых стрел, монет парфянского типа, бус, бронзовых украшений, большое число пряслиц и пращевых камней и т. п.

В расстоянии около 15 км от этого района открыт подобный же второй, также на берегу старого арыка; на нем находятся развалины двух торгово-ремесленных городков Гульдурсун-Кала и Коват-Кала; постройки сохранились особенно хорошо близ второго; на некоторых заметна отделка стен полуколоннами. В этом же районе у мазара Наримджан-Баба раскопан дом, давший материал бытового и хозяйственного характера: металлические украшения, посуду, умывальники, жернова, очаги, печи для лепешек (тандыр) и образцы строительного материала. Близ этого же городка раскопана часть кладбища; из 28 обнаруженных погребений часть принадлежала мусульманам, остальные—с расчлененными костяками—населению, державшемуся местных, древних традиций.

Памятники этого района датируются X—XIII вв., но встреченные в раскопках монеты принадлежат периоду от начала н. э. до XIV в.

Разведка у Аяз-Калы открыла 2 замка V—VII вв. и крепость VIII—IX вв.; в долине обнаружена еще одна крепость, предположительно относимая к первым векам нашей эры. Кроме того, осмотрены близ Шаббая развалины Пиль-Кана, подобные одной из крепостей Аяз-Калы VIII—IX вв. и крепость Шурахан X в.

Из сверхплановых экспедиций, осуществленных московскими археологами в 1937 г., необходимо отметить раскопки Гочевского городища Белевского района, Курской области, проведенные для Курского областного музея (Б. А. Рыбаков). Высокий правый берег р. Псек в районе обследования имеет два мыса на расстоянии около 250 м один от другого; с напольной стороны каждый огражден валом и рвом; еще один вал, проходящий позади городищ, замыкает площадь селища, защищенного с реки этими двумя городищами; за валом начинается известный Гочевский курганник, насчитывающий более трех тысяч насыпей. Раскопки начаты на западном городище, где раскрыта часть площади и в двух местах прорезан вал, достигающий в высоту 7 м и насыпанный спустя значительный промежуток времени после возникновения поселка на мысу; под насыпью обнаружено продолжение культурного слоя площади городища, а в сложную конструкцию вала вошли прослойки и линзы, где встречены наиболее древние находки: бронзовый втульчатый наконечник стрелы с шипом на пластинчатом переборке и обломки керамики, украшенной бугорками, выдавленными изнутри сосуда.

Нижний горизонт культурного слоя, относимый к VII—X вв., заключал в себе очаги двух типов; полость первого имеет яйцевидную форму; в глиняные стenки изнутри вставлены глиняные конусы; кроме отверстия вверху, имеется второе—слева; второй тип представляет глубокий навес, три стенки которого выплены из глины, а свод образован глиняными конусами, скрепленными также глиной. Землянок в этом нижнем слое не обнаружено. Как указывалось, часть древнего культурного слоя пошла на сооружение вала, что произошло в X в.; к X—XI вв. относится верхний горизонт культурного слоя. В нем пока открыта одна жилищная яма полуциркульной формы, примыкающая к подошве вала, с пологими стенками и очагом из камней.

Предварительное определение выделило из фаунистического материала кости лося, медведя, коровы и лошади; кости рыб и чешуя открывались большими скоплениями; в одном обломанном сосуде сохранилась сплошная масса каких-то зерен и стеблей. Керамика городища однообразна; горшки и корчаги нижнего слоя отличаются толщиной стенок; укращением служил зубчатый пояс из оттисков палочки, обвитой бечевкой. Керамика является основной массой находок; кроме упомянутых типов сосудов, необходимо упомянуть о находках обломков глиняных сковород. Глиняные грузила в виде усеченных конусов орнаментированы ямками; глиняные пряслица обнаружены обычной формы. Изделия из железа немногочисленны; кроме узкого топора, следует отметить небольшие серпообразные ножи с отверстием у основания пластины. Среди костяных предметов выделяется крупная изогнутая игла, покрытая зубчатым орнаментом; ее тыльная часть обработана в виде звериной головы с раскрытой пастью.

Раскопки, произведенные ранее на Гочевском курганном некрополе, определили принадлежность его радимичам X—XII вв., которые, очевидно, были обитателями селища и городищ. Относительная однородность вещевого материала культурного слоя в целом позволяет предположить и в VII—X вв. принадлежность поселка славянам,— факт, в случае подтверждения дальнейшими раскопками, исключительной научной важности, так как дореволюционной археологии, несмотря на огромное число обследованных памятников, не удалось открыть славянских древностей раньше IX—X вв. Только за последние годы некоторые городища и курганы, открытые в Воронежской области, определены, как славянские VII—IX вв. Продолжение раскопок на Гочевском городище и селище, а также разведка на территории курганника являются неотложной задачей большого научного значения.

Верхнекамский отряд Камской экспедиции ГАИМК (М. В. Талицкий) второй год ведет раскопки Роданова городища, расположенного на правом берегу р. Камы, 50 км ниже Березняков. Площадь городища, около 2 000 кв. м, несколько выдается из линии берега, с напольной стороны обнесена невысоким дугообразным валом, обнаруженным в процессе работы при разборе культурного слоя; в насыпи вала открылись ряды небольших пятен, указывающих на один или два плетня. Это ограждение отвечает позднейшему поселению, которое исследователь датирует X—XIII вв. Относящиеся к этому времени землянки городища имели небольшие размеры; пол их был смазан глиной, а покрытие—из соломы. На относительно небольшой площади, открытой в 1937 г. (320 кв. м), было обнаружено около 20 остатков этих землянок; обычной принадлежностью их являлись очаги и ямы-кладовые. На небольшом участке удалось открыть связь верхнего слоя с нижним, относящимся к IX в.; землянки этого слоя отличаются большой величиной, имея также очаги и ямы для хранения припасов. Особенностью древнего поселка были усадьбы, огражденные плетнем